

Александр Грин

Искатель приключений

Александр Грин

Искатель приключений

«Public Domain»

1915

Грин А. С.

Искатель приключений / А. С. Грин — «Public Domain», 1915

«Путешественник Аммон Кут после нескольких лет отсутствия возвратился на родину. Он остановился у старого своего друга, директора акционерного общества Тонара, человека с сомнительным прошлым, но помешанного на благопристойности и порядочности. В первый же день приезда Аммон поссорился с Тонаром из-за газетной передовицы, обозвал друга «креатурой» министра и вышел на улицу для прогулки...»

Содержание

I. Поездка	5
II. Приезд	8
III. Дом Доггера	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Степанович Грин

Искатель приключений

*И там как раз, где смысл искать напрасно
Там слово может горю пособить.*

Фауст

I. Поездка

Путешественник Аммон Кут после нескольких лет отсутствия возвратился на родину. Он остановился у старого своего друга, директора акционерного общества Тонара, человека с сомнительным прошлым, но помешанного на благопристойности и порядочности. В первый же день приезда Аммон поссорился с Тонаром из-за газетной передовицы, обозвал друга «креатурой» министра и вышел на улицу для прогулки.

Аммон Кут принадлежал к числу людей серьезных, более чем кажутся они на первый взгляд. Его путешествия, не отмеченные газетами и не внесшие ни в одну карту малейших изменений материков, были для него тем не менее совершенно необходимы. «Жить – значит путешествовать», – говорил он субъектам, привязанным к жизни с ее одного, самого теплого и потного, как горячий пирог, бока. Глаза Аммана – две вечно алчные пропасти – обшаривали небо и землю в поисках за новой добычей; стремительно проваливалось в них все виденное им и на дне памяти, в страшной тесноте, укладывалось раз навсегда, для себя. В противоположность туристу Аммон видел еще многое, кроме музеев и церквей, где, притворяясь знатоками, обозреватели ищут в плохо намалеванных картинах неземной красоты.

Любопытства ради Аммон Кут зашел в вегетарианскую столовую. В больших комнатах, где пахло лаком, краской, свежепросохшими обоями и еще каким-то особо трезвенным запахом, сидело человек сто. Аммон заметил отсутствие стариков. Чрезвычайная, не свойственная даже понятию о еде, тишина внушала аппетиту входящего быть молитвенно нежным, вкрадчивым, как самая идея травоядения. Постные, хотя румяные лица помешанных на здоровье людей безразлично осматривали Аммана. Он сел. Обед, поданный ему с церемониальной, несколько подчеркнутой торжественностью, состоял из отвратительной каши «Геркулес», жареного картофеля, огурцов и безвкусной капусты. Побродив вилкой среди этого гастрономического убожества, Аммон съел кусок хлеба, огурец и выпил стакан воды; затем, щелкнув портсигаром, вспомнил о запрещении курить и невесело осмотрелся. За столиками в гробовом молчании чинно и деликатно двигались жующие рты. Дух противодействия поднялся в голодном Аммоне. Он хорошо знал, что мог бы и не заходить сюда – его никто не просил об этом, – но он с трудом отказывал себе в случайных капризах. Вполголоса, однако же достаточно явственно, чтобы его услышали, Аммон сказал как бы про себя, смотря на тарелку:

– Дрянь. Хорошо бы теперь поесть мяса!

При слове «мясо» многие вздрогнули; некоторые уронили вилки; все, насторожившись, рассматривали дерзкого посетителя.

– Мяса бы! – повторил, вздыхая, Аммон.

Раздался подчеркнутый кашель, и кто-то шумно задышал в углу.

Скучая, Аммон вышел в переднюю. Слуга подал пальто.

– Я пришлю вам индейку, – сказал Аммон, – кушайте на здоровье.

– Ах, господин! – возразил, печально качая головой, истощенный старик-слуга. – Если бы вы привыкли к нашему режиму...

Аммон, не слушая его, вышел. «Вот и испорчен день, – думал он, шагая по теневой стороне улицы. – Огурец душит меня». Ему захотелось вернуться домой; он так и сделал. Тонар сидел в гостиной перед открытым роялем, кончив играть свои любимые бравурные вещи, но был еще полон их резким одушевлением. Тонар любил все определенное, безусловное, яркое: например, деньги и молоко.

– Согласись, что статья глупа! – сказал, входя, Аммон. – Для твоего министра я предложил бы и свое колено... но – инспектор полиции дельный парень.

– Мы, – возразил, не поворачиваясь, Тонар, – мы, люди коммерческие, смотрим иначе. Для таких бездельников, как ты, развращенных путешествиями и романтизмом, приятен всякий играющий в Гарун-аль-Рашида. Я знаю – вместо того, чтобы толково преследовать аферистов, гадящих нам на бирже, гораздо легче, надев фальшивую бороду, шляться по притонам, пьяниствуя с жуликами.

– Что же... он интересный человек, – сказал Аммон, – я его ценю только за это. Надо ценить истинно интересных людей. Многих я знаю. Один, бывший гермафродитом, вышел замуж; а затем, после развода, женился сам. Второй, ранее священник, изобрел машинку для пения басом, разбогател, загрыз на пари зубами цирковую змею, держал в Каире гарем, а теперь торгует сыром. Третий замечателен как феномен. Он обладал поразительным свойством сосредоточивать внимание окружающих исключительно на себе; в его присутствии все молчали; говорил только он; побольше ума – и он мог бы стать чем угодно. Четвертый добровольно ослепил себя, чтобы не видеть людей. Пятый был искренним дураком сорока лет; когда его спрашивали: «Кто вы?» – он говорил – «дурак» и смеялся. Интересно, что он не был ни сумашедшим, ни идиотом, а именно классическим дураком. Шестой... шестой... это я.

– Да? – иронически спросил Тонар.

– Да. Я враг ложного смирения. За сорок пять лет своей жизни я видел много; много пережил и много участвовал в чужих жизнях.

– Однако... Нет! – сказал, помолчав, Тонар. – Я знаю человека действительно интересного. Вы, нервные батареи, живете впроголодь. Вам всегда всего мало. Я знаю человека идеально прекрасной нормальной жизни, вполне благовоспитанного, чудных принципов, живущего здоровой атмосферой сельского труда и природы. Кстати, это мой идеал. Но я человек не цельный. Посмотрел бы ты на него, Аммон! Его жизнь по сравнению с твоей – сочное, красное яблоко перед прогнившим бананом.

– Покажи мне это чудовище! – вскричал Аммон. – Ради бога!

– Сделай одолжение. Он нашего круга.

Аммон смеялся, стараясь представить себе спокойную и здоровую жизнь. Взбалмошный, горячий, резкий – он издали тянулся (временами) к такому существованию, но только воображением; однообразие убивало его. В изложении Тонара было столько вкусного мысленного причмокивания, что Аммон заинтересовался.

– Если не идеально, – сказал он, – я не поеду, но если ты уверяешь...

– Я ручаюсь за то, что самые неумеренные требования...

– Таких людей я еще не видел, – перебил Аммон. – Пожалуйста, напиши мне к завтраку рекомендательное письмо. Это не очень далеко?

– Четыре часа езды.

Аммон, расхаживая по комнате, остановился за спиной Тонара и, увлекшись уже новыми грядущими впечатлениями, продекламировал, положив руку, как на пюпитр, на лысину друга:

Поля родные! К вашей тишине, К задумчиво сияющей луне, К туманам, медленным в извилистых оврагах, К наивной прелести в преданиях и сагах, К румянцу щек и блеску свежих глаз Вернулся я; таким же вижу вас Как ранее, и благодати гений Хранит мой сон среди родных видений!

– Неужели тебе сорок пять лет? – спросил, грузно вваливаясь в кресло, Тонар.

– Сорок пять. – Аммон подошел к зеркалу. – Кто же выдергивает мне седые волосы? И неужели я еще долго буду ездить, ездить, ездить – всегда?

II. Приезд

Синий и белый снег гор, зубчатый взлет которых тянулся полукругом вокруг холмистой равнинны, Аммон увидел из окна поезда рано утром. Вдали солнечной полоской блестело море.

Белая станция, увитая по стенам диким виноградом, приветливо подбежала к поезду. Паровоз, пыхтя отработанным паром, остановился, вагоны лязгнули, и Аммон вышел.

Он видел, что Лилиана – настоящее красивое место. Улицы, по которым ехал Аммон, наняв экипаж к Доггеру, не были безукоризненно правильны: мягкая извилистость их держала глаза в постоянном ожидании глубокой перспективы. Между тем постепенно развертывающееся разнообразие строений очень развлекало Амона. Дома были усеяны балкончиками и лепкой или выставляли полукруглые башенки; серые на белом фасаде арки, подтянутые или опущенные, как поля шляпы, крыши различно приветствовали смотрящего; все это, затопленное торжественно цветущими садами, солнцем, цветниками и небом, выглядело неплохо. Улицы были обсажены пальмами; зонтичные вершины их бросали на желтую от полудня землю синие тени. Иногда среди площади появлялся старый, как дед, фонтан, полный трепещущей от выкидываемых брызг воды; местами в боковой переулок взвивалась каменная винтовая лестница, а выше над ней бровью перегибался мостик, легкий как рука подбоченившейся девушки.

III. Дом Доггера

Проехав город, Аммон еще издали увидел сад и черепичную крышу. Дорога, усыпанная гравием, вела через аллею к подъезду – простому, как и весь дом из некрашеного белого дерева. Аммон подошел к дому. Это было одноэтажное бревенчатое здание с двумя боковыми выступами и террасой. Вьющаяся зелень заваливала простенки фасада цветами и листьями; цветов было многое везде – гвоздик, тюльпанов, анемон, мальв, астр и левкоев.

К Аммону спокойными, свободными шагами сильного человека подошел Доггер, стоявший у дерева. Он был без шляпы; статная, розовая от загара шея его пряталась под курчавыми белокурыми волосами. Крепкий, как ожившая грудастая статуя Геркулеса, Доггер производил впечатление несокрушимого здоровяка. Крупные черты радушного лица, серые теплые глаза, небольшие борода и усы очень понравились Аммону. Костюм Доггера состоял из парусинной блузы, таких же брюк, кожаного пояса и высоких сапог мягкой кожи. Руку он пожимал крепко, но быстро, а его грудной голос звучал свободно и ясно.

– Аммон Кут – это я, – сказал, кланяясь, Аммон, – если вы получили письмо Тонара, я буду иметь честь объяснить вам цель моего приезда.

– Я получил письмо, и вы прежде всего мой гость, – сказал, предупредительно улыбаясь, Доггер. – Пойдемте, я познакомлю вас с женой. Затем мы поговорим обо всем, что будет вам угодно сказать.

Аммон последовал за ним в очень простую, с высокими окнами и скромной мебелью гостиную. Ничто не бросалось в глаза, напротив, все было рассчитано на неуловимый для внимания уют. Здесь и в других комнатах, где побывал Аммон, обстановка забывалась, как забывается телом давно обнощенное привычное платье. На стенах не было никаких картин или гравюр. Аммон не сразу обратил на это внимание: пустота простенков как бы случайно драпировалась в близко сходящиеся друг с другом складки оконных занавесей. Опрятность, чистота и свет придавали всему оттенок нежной заботливости о вещах, с которыми, как со старыми друзьями, живут всю жизнь.

– Эльма! – сказал Доггер, открывая проходную дверь. – Иди-ка сюда.

Аммон нетерпеливо ожидал встречи с подругой Доггера. Его интересовало увидеть их в паре. Не прошло минуты, как из сумерек коридора появилась улыбающаяся красивая женщина в нарядном домашнем платье с открытыми рукавами. Избыток здоровья сказывался в каждом ее движении. Блондинка, лет двадцати двух, она сияла свежим покоем удовлетворенной молодой крови, весельем хорошо спавшего тела, величественным добродушием крепкого счастья. Аммон подумал, что и внутри ее, где таинственно работают органы, все так же стройно, красиво и радостно; аккуратно толкает по голубым жилам алую кровь стальное сердце; розовые легкие бойко вбирают, освежая кровь, воздух и греются среди белых ребер под белой грудью.

Доггер, не переставая улыбаться, что было, по-видимому, у него потребностью, а не усилием, – представил Кута жене; она заговорила свободно, звонко, как будто была давно знакома с Аммоном:

– Как путешественник, вы будете у нас немного скучать, но это принесет вам одну пользу, только пользу!

– Я тронут, – сказал Аммон, кланяясь.

Все сели. Доггер, молча, открыто улыбаясь, смотрел прямо в лицо Аммону, также и Эльма; выражение их лиц говорило: «Мы видим, что вы тоже очень простой человек, с вами можно, не скучая, свободно молчать». Аммон хорошо понимал, что, несмотря на подкупавшую простоту хозяев и обстановки, он не доверял видимому.

– Я очень хочу объяснить вам прямую цель моего посещения, – приступил он к необходимой лжи. – Путешествуя, я стал заядлым фотографом. В занятие это, по моему мнению, можно внести много искусства.

– Искусства, – сказал Доггер, кивая.

– Да. Каждый пейзаж меняет сотни выражений в день. Солнце, время дня, луна, звезды, человеческая фигура делают его каждый раз иным: или отнимают что-либо или же прибавляют. Тонар соблазнил меня описанием прелестей Лилианы, самого города, окрестностей и чудного вашего поместья. Я вижу, что мой аппарат нетерпеливо шевелится в чемодане и самостоятельно от нетерпенья щелкает затвором. Вы давно знакомы с Тонаром, Доггер?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.